

М. П. Алексеев

Томас Мур, его русские собеседники и корреспонденты

Международные связи русской литературы. Сборник статей.

Под редакцией академика М. П. Алексеева.

М.-Л., Издательство Академии наук СССР, 1963

OCR Бычков М. Н.

I

В сознании русских читателей 30-х годов XIX в. имя Томаса Мура (1779-1852) связывалось прежде всего с Байроном: его знали как друга автора "Чайльд Гарольда", как человека, которому завещаны были бумаги и мемуары поэта, уничтоженные Муром; он был известен как биограф Байрона и его комментатор. Но Мура как поэта - эпика и лирика - знали у нас и раньше: с начала 20-х годов имя его мелькает в переписке русских литературных деятелей и все чаще встречается на страницах периодической печати.

Д. Н. Блудов в письме к И. И. Дмитриеву из Лондона (25 марта 1820 г.) так отзывался о поэтической репутации Мура и о месте, которое отводилось ему соотечественниками его на британском романтическом Парнасе: "Как у нас на Руси, в московском университете удивляются одному Мерзлякову, а в Беседе - только Шихматову, в доме Оленина - Гнедичу, так и здесь ирландцы с упрямством и запальчивостью ставят всех выше своего земляка Мура, которого мы, "арзамасцы", могли бы назвать английским Батюшковым; шотландцы готовы сражаться за поэмы и особенно за романы, в самом деле прекрасные, Вальтер Скотта, как в старину сражались за свою независимость; наконец, англичане, и более других принадлежащие к оппозиции, не позволяют никого сравнивать с лордом Байроном. Вот мнение трех королевств о трех стихотворцах".¹

Эта весть о высокой оценке Мура на его родине, как бы уравниение его в поэтических правах с такими звездами первой величины, как Байрон и В. Скотт, имена которых в эту пору привлекали к себе у нас всеобщее внимание, должна была заинтересовать не одних лишь представителей "арзамасских" кругов. Действительно как раз к этому времени относятся у нас первые опыты русских переводов из Т. Мура и быстро растет число ценителей его поэзии. В то время как Грибоедов с увлечением читал его во время своих скитаний по Персии,² на материале своих путевых впечатлений проверяя экзотику его "Лаллы-Рук" (1817), в Петербурге Жуковский одним из первых перевел стихами поэтический рассказ, включенный в эту поэму Мура - "Рай и Пери" (Paradise and Peri).³ "Ты знаешь Мурову поэму "Лалла-Рук"...", - пишет он А. Тургеневу, посылая свой перевод и, кстати, описывая придворный праздник, который представлял собой, по его словам, - "не иное что, как праздник, который молодая Лалла-Рук дала будто в Кашемирской долине своему супругу и отцу Аурингзабу".⁴

Напечатанный в 1821 г. перевод Жуковского встречен был похвалами и сразу ввел Мура в число популярных у нас английских поэтов. Лишь Пушкин остался недоволен выбором пьесы. "Жуковский меня бесит, - писал он Вяземскому 2 января 1822 г. - Что ему понравилось в этом Муре, чопорном подражателе безобразному восточному воображению? Вся "Лалла-Рук" не стоит десяти строчек "Тристрама Шенди"."⁵ Тем не менее и Вяземский, в спорах с которым Пушкин упорно отстаивал свою точку зрения, и многие друзья Жуковского думали об этом иначе.

Характерно, что перевод этот был весьма сочувственно встречен даже в кругах, идейно наиболее чуждых Жуковскому: не случайна высокая оценка его и в среде будущих декабристов, пленившихся в поэмах Мура не столько экзотическим ее колоритом, сколько искусно скрытыми в ней под покровом восточного вымысла оппозиционными настроениями ирландского патриота. Так, К. Ф. Рылеев приветствовал появление "Рая и Пери" на русском языке в своем "Послании к Н. И. Гнедичу", а В. Ф. Раевский воспользовался этим переводом Жуковского для пропаганды среди солдат Ланкастерских школ в Кишиневе, именно теми ее строфами, где говорится о завоевании Индии, о казни героя, павшего "во искупление свободы", каплю крови которого Пери уносит на небеса.⁶

Еще более агитационное значение в тех же декабристских кругах должен был получить прозаический перевод из Мура Н. А. Бестужева, первоначально напечатанный в "Соревнователе просвещения" 1821 г., а затем выпущенный отдельно: "Обожатели огня. Восточная повесть" (СПб., 1821); это третий вставной рассказ из той же поэмы "Лалла-Рук" (The Fire Worshipers). Несомненно, что декабристы, читая этот перевод Н. А. Бестужева, вкладывали свой смысл в вольнолюбивые речи огнепоклонников, томящихся под гнетом аравийского тирана.⁷ Неудивительно, что Муром увлекались у